

Пролог

Сигаретный дым поднимался из-под настольной лампы комиссара кверху, расплзаясь в пространстве наподобие призрачной тени над болотом. Резкий свет освещал поверхность стола, все остальное тонуло в непроглядной тьме. Я смотрел на толстые пальцы, державшие маленькую тетрадку. Она казалась до смешного крошечной. «То, что мы ищем, — всё»* — было написано на обложке. Рядом, в стеклянной пепельнице, догорал окурок, вяло пожираемый изнутри собственным огоньком.

— Сесть, — сказала голова, смутные контуры которой я с трудом различал во мгле. Тетрадка ткнула в сторону стула. Я последовал приказанию и стал ждать. Мои глаза медленно привыкали к сумеречному свету, и я смог разглядеть отдельные детали обстановки: высокие шкафы, вешалка на ножке, похожая на какое-нибудь средневековое оружие, второй письменный стол.

* Цитата из романа Фридриха Гёльдерлина (1770–1843) «Гиперион» (1794). Здесь приводится лишь вторая половина фразы, ставшей крылатой: «Мы ничто; то, что мы ищем, — всё».

Сигарета потухла. Комиссар ни разу к ней не приложился. Минут пять ничего не происходило. Человек за столом не проявлял никакого интереса даже к своей тетрадке. Я уже решил, что он обо мне просто забыл, и хотел было подать какой-нибудь знак, чтобы обнаружить свое присутствие, но в этот самый момент он наконец заговорил.

— Харро Егер. Адольф-Гитлер-штрассе, 157. Шестнадцать лет. Учащийся. Все верно? — Он отложил книжицу в сторону, не закрывая ее.

— Так точно, — по-деловому подтвердил я.

— Ты ведь с удовольствием ходишь в школу? И учишься хорошо? — Вопросы звучали как утверждение.

— Стараюсь.

Голова кивнула.

— Ну а в свободное время — чем ты занимаешься в свободное время?

— Да ничем таким особенным, — ответил я. — Как все, закаляю тело и дух. Читаю. Спортом занимаюсь. Гуляю.

Голова снова кивнула.

— Ты поздно вступил в гитлерюгенд*. И довольно скоро вышел из его рядов. Почему?

* Гитлерюгенд — молодежная организация, учрежденная Национал-социалистической немецкой рабочей партией в 1926 г. для молодых людей в возрасте от 14 до 18 лет и просуществовавшая до окончания Второй мировой войны. После прихода Гитлера к власти в 1933 г. и запрета всех политических партий и объединений гитлерюгенд остался единственным официально разрешенным молодежным союзом.

— Разошлись во мнениях с вожатым нашего отряда. Утратил связь с этой организацией. — Тут мне даже не пришлось особо врать.

Комиссар никак не отреагировал на мои слова и потянулся за сигаретами. На зажигалке у него красовалась свастика, которая распадалась на две части, если нажать на крышку.

— Конрад Вайсгербер, знаешь такого? — И опять это прозвучало как утверждение. Брат Хильмы. Я решил изобразить, насколько возможно, полное неведение и ответил отрицательно. Очередная сигарета перекочевала в пепельницу. Причудливые призрачные фигуры снова пошли плясать над столом. — Гарри Зоммер? Знаком тебе?

Я покачал головой.

— Нет, не знаю. Никогда не слышал.

— Ну, такой здоровый парень. Такого трудно не заметить, — гнул свое комиссар.

Я понял, кого он имеет в виду. Но признаваться не стал. Пальцы взяли тлеющий окурок и стряхнули пепел. Потом комиссар основательно затянулся тихо потрескивающей сигаретой, вперил в меня свой взгляд и резко повернул настольную лампу, направив мне в лицо луч света, от которого я непроизвольно зажмурился.

— Генрих Умрат? Как насчет него?

— Встречались. Но знакомы шапочно, — сказал я, стараясь держаться по возможности невозмутимо. Не мог же

я от всего отпереться, тем более что в данном случае речь шла о моем соседе. Сигарета опять была отправлена в пепельницу, откуда вылетела искра, как будто в табак случайно попало немного пороха.

— Где? — спросил комиссар и, видя, что я замешкался с ответом, добавил: — Где встречались?

— Да на улице, — сказал я. — Просто на улице.

Свет от лампы слепил глаза. Я приставил ладонь козырьком ко лбу, чтобы защититься.

— Просто на улице, значит, — повторил за мной комиссар, и я понял, как по-дурацки звучал мой ответ. У меня запершило в горле, и я с трудом сдерживал кашель, ерзая от напряжения на стуле. Комиссар постукивал зажигалкой по столу, будто отбивая ритм какого-то медленного марша. — Ну а когда вы встречались, о чем вы разговаривали? — спросил он после паузы.

— Что вы имеете в виду? — переспросил я. Голос мой прозвучал резковато. Дальше все пошло как-то стремительно. Комиссар поднялся, ухватил меня за руку, прижал мою ладонь к столу и принялся колотить по ней зажигалкой, короткими, жесткими движениями, как будто ему нужно было настрогать щеп от полена. Не веря своим глазам, я смотрел на треснувшую кожу и кровь и снова на кровь, серебряная свастика дубасила по моим костяшкам, и тут подступила боль. Я кричал и кричал,

совершенно перестав уже владеть собою. Какими бы толстыми ни были тут стены, мой рев наверняка был слышен даже на улице. Безуспешно пытался я высвободить руку из тисков. Извиваясь всем телом, я дергал и дергал, но шансов вырваться не было. Наконец полицейский отстал от меня. Я прижал поврежденную руку к груди, накрыв ее второй. От кровавого мягкого месива под здоровой ладонью шел жар. Но на этом все не закончилось. Следующий прилив боли настиг меня слева. Толстые пальцы схватили меня за ухо и принялись вертеть его, тянуть с такою силой, что в голове все хрустело и трещало. Я взвизгнул, охваченный слепой паникой, забыв на какое-то мгновение, кто я и где нахожусь. Мучитель мой был настоящим зверем.

— Я что, по-твоему, тупица? — кричал комиссар мне в искореженное ухо. — Тупица, да? — повторял он снова и снова.

Я пытался как-то увернуться от него, но без результата. Я был слишком маленьким, слишком слабым и чувствовал себя слишком несчастным. Все вместе было ужасно унижительным.

— Тупица, да? Тупица, да?

Он сказал это раз десять, двадцать, а может быть, и больше. Когда я снова пришел в себя, я обнаружил себя лежащим на полу. Я зашелся в кашле. Комиссар сидел

на своем месте. Он подтянул к себе телефон, который до того скрывался где-то в полумраке стола, и теперь что-то тихо говорил в трубку. Моя левая рука выглядела ужасно. Правой я ощупал ухо. На секунду, в затмении, мне почудилось, будто оно исчезло. Я затих. Мне хотелось, чтобы этот дурной сон развеялся, когда я поднимусь на ноги.

Охранник, который привел меня сюда, вошел в кабинет без стука. Сначала я увидел в проеме двери его лицо, потом — башмаки, и ничего больше. Черные подошвы переминались у меня перед носом.

— Давай вставай! Отведу тебя в твою будку.

Я сел. На удивление легко. Но когда я принял вертикальное положение, у меня перед глазами замигали огоньки, как у сломанного семафора. Стены скособочились. Чтобы не упасть, я ухватился за первую попавшуюся под руки опору. Это оказался воротник охранника.

— Но-но, — сказал охранник и слегка поддержал меня. — Не балуй. Шагай на выход.

Я потерял всякую ориентацию и был совершенно без сил. Я дал себя вывести, как последний покорный баран. И если на короткое мгновение у меня еще мелькнула надежда, что «на выход» означает «на свободу», то эта надежда тут же улетучилась. Несколько коридоров, несколько пролетов лестниц, и вот я уже в камере.

— Лучше расскажи ему все, что знаешь, — сказал охранник, прежде чем закрыть деревянную дверь. Такую махину ожидаешь встретить скорее в крепостном узилище, чем в современной тюрьме. В голосе охранника как будто слышалось сочувствие. Или это просто особо подлая хитрость, чтобы развязать мне язык?

Отвратительный камерный запах ударил мне в нос. «Отсюда мне не выбраться, — подумал я. — Никогда».